

возможно местная легенда. Во всяком случае, автор брошюры „Чудотворный образ святителя Христова и чудотворца Николая Зарайского“ (М., 1860) связывает имя Апоницы с селением „Апоницищи“ Зарайского уезда.

Повести о Николе Заразском интересны и в их постоянных взаимодействиях с летописью и с хронографом.

Между прочим, колебания первой повести, описывающей перенос иконы на Рязань, в определении той церкви в Корсунь, в которой крестился Владимир, — то как церкви Иакова, то как церкви Василия — отражают аналогичные колебания и в летописи. Так, например, по Ипатьевской летописи Владимир крестился в церкви Софии; по Лаврентьевской — в церкви Василия, по Новгородской первой (отражающей древнейшую из дошедших версий Начальной летописи) — в церкви „св. Василиска“. Радзивилловская заменяет церковь Василия церковью богородицы. В Новгородской четвертой, Софийской первой, Воскресенской, Хронографе и других, восходящих к Полихрону Фотия (1423 или 1418 г.), — церковь, в которой крестился Владимир, определена как церковь Иакова согласно с житиями Владимира, также называющими церковь Иакова. Летописные определения церкви, где крестился Владимир, как церкви Василиска, — весьма возможно, — результат ошибочного чтения греческого слова τὸ βασιλικόν (базилка — церковь). Чтение „св. Василия“ — может быть результат дальнейшего искажения. Первоначальным в первой повести о Николе Заразском следует, очевидно, считать наиболее близкий к древнейшей летописи вариант с церковью Василия, так как в летописях этого типа Владимир исцеляется от слепоты — также как и в повести. В житии же Владимира, в котором он получает крещение в церкви Иакова (отсюда церковь Иакова и в Полихроне Фотия), он исцеляется от „язвы“, в повести не упоминаемой. В перемене некоторыми редакциями первой повести церкви Василия на церковь Иакова, несомненно, сказалось знакомство с Русским Хронографом, явственно ощущаемое и в ряде других случаев. В частности, к тому же воздействию Русского Хронографа следует отнести и колебание списков между наименованиями „Корсунь“ и „Херсунь“. Сербская форма „Херсунь“ проникла в некоторые из поздних русских летописей из того же Русского Хронографа, являясь одним из типичных для него сербизмов (ср. также в некоторых списках повести „Светослав“). Специальная „хронографическая“ редакция повести имеет еще больше следов влияния Хронографа (ср., напр., „на реке на Онозе“, Батый — „молниенная стрела“, согласно с включенным в Русский Хронограф сербским житием Стефана Лазаревича, составленным в 1431 г.). Требуется особое исследование происхождения совпадения второй повести, описывающей разорение Батыем Рязани, с одним из известий наших поздних летописей: в Никоновской и в некоторых других, а также во второй повести о Николе читается одна и та же подробность, в более ранних летописях не встречающаяся, — о выходе рязанских князей на битву с Батыем к окраинам Рязанской земли у Воронежа. Возможность знаком-